

Алиева Эльвира Низамиевна, Веденяпина Эмма Александровна

СЕКРЕТ УСПЕХА ОДНОГО РОМАНСА

В статье речь идет о художественном совершенстве переводов редко вспоминаемого поэта-переводчика Ивана Козлова на примере прославленных стихотворений "На погребение английского генерала сира Джона Мура" и "Вечерний звон". Тексты Козлова исполнены оригинальности, проявляющейся и в интерпретации тем, и в строе стихотворений, и в звуковой инструментовке, и в четкости ритма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 31-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-146.2

Филологические науки

В статье речь идет о художественном совершенстве переводов редко вспоминаемого поэта-переводчика Ивана Козлова на примере прославленных стихотворений «На погребение английского генерала сира Джона Мура» и «Вечерний звон». Тексты Козлова исполнены оригинальностью, проявляющейся и в интерпретации тем, и в строе стихотворений, и в звуковой инструментровке, и в четкости ритма.

Ключевые слова и фразы: вечерний звон; рифма; эпитет; строфа; ритм; оригинал.

Алиева Эльвира Низамиевна, д. филол. наук
Московский городской психолого-педагогический университет
lingvatiер@mail.ru

Веденяпина Эмма Александровна, к. филол. наук
Г. Москва
emmatoscow@yandex.ru

СЕКРЕТ УСПЕХА ОДНОГО РОМАНСА®

Творчество И. И. Козлова (1779-1840) является связующим звеном между разными поэтическими поколениями русских романтиков. Хронологически оно находится в центре русского романтического процесса: поэзии Козлова предшествуют творчество Жуковского и «южные» поэмы Пушкина, а расцвет ее совпадает с расцветом поэзии Лермонтова. Козлов обогатил русский романтизм углубленным психологизмом и мастерским использованием выразительных средств. Это свойственно как его оригинальным произведениям, так и переводам.

И. И. Козлов начал свою поэтическую деятельность как переводчик, когда в 1819 году перевел на французский язык поэму Байрона «Абидосская невеста». Через шесть лет он перевел эту поэму на русский язык, но именно французский перевод, по обоснованным предположениям исследователей, мог быть «одним из первых источников ознакомления Пушкина с дотоле неизвестным ему Байроном» [4, с. 6].

Козлов переводил произведения Шекспира, Вордсворта, Тассо, Данте и других. Из Байрона он сделал двадцать переводов и получил известность как «усерднейший из русских переводчиков Байрона» [1, с. 75]. Ап. Григорьев считал, что Козлов «переводит только то и подражает только тому, что связано внутренним гармоническим единством с его душевным миром» [8, с. 42]. Это помогало ему проникать в поэтический мир переводимого поэта. Но это не может затмить мастерство его переводов. До сих пор они рассматривались в основном в плане соотношения двух поэтических миров – переводимого автора и переводчика. Обращаясь сегодня к творчеству этого редко вспоминаемого поэта, стихи которого стали народной песней, при жизни получившего признание Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Вяземского, Гоголя, хочется отметить художественное совершенство его переводов, прежде всего на примере прославленных стихотворений «На погребение английского генерала сира Джона Мура» и «Вечерний звон».

Джон Мур был английским генералом, участником войн против Наполеона, от которого потерпел поражение в Португалии, получил в бою смертельную рану и там же скончался. Его соратники погребли своего вождя и смогли эвакуироваться на кораблях. На месте гибели Мура его противник – французский маршал – поставил ему памятник.

Charles Wolfe (1791-1823)
The Burial of Sir John Moore

Not a drum was heard, not a funeral note
As his corse to the rampart we hurried.
not a soldier discharged his farewell shot
O'er the grave where our hero we buried.
We buried him darkly at dead of night,
The sods with our bayonets turning,
By the struggling moonbeam's misty light,
And the lantern dimly burning.
No useless coffin enclosed his breast,
Not in sheet or in shroud we wound him;
But he lay like a warrior taking his rest,
With his martial cloak around him!
Few and short were the prayers we said,
And we spoke not a word of sorrow;

Чарлз Вулф, перевод И. И. Козлова

На погребение английского генерала сира Джона Мура

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.
И бедная почесть к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.
На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе –
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.
Недолго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая...

<p>But we steadfastly gazed on the face that was dead And we bitterly thought of the morrow. We thought as we hollowed his narrow bed And smoothed down his lonely pillow, That the foe and the stranger would tread o'er his head, And we far away on the billow! Lightly they'll talk of the spirit that's gone, And o'er his cold ashes upbraid him – But little he'll reckon, if they him sleep on In the grave where a Briton has laid him. But half of our heavy task was done, When the clock struck the hour for retiring; And we heard the distant and random gun, That the foe was sullenly firing. Slowly and sadly we laid him down, From the field of his fame fresh and gory; We carved not a line, and we raised not a stone, But we left him alone with his glory [7, p. 14].</p>	<p>И молча смотрела в глаза мертвецу, О завтрашнем дне помышляя. Быть может, наутро внезапно явясь, Враг дерзкий, надменности полный, Тебя не уважит, товарищ, а нас Умчат невозвратные волны. О нет, не коснется в таинственном сне До храброго дума печали! Твой одр одинокий в чужой стороне Родимые руки постлали. Еще не свершен был обряд роковой, И час наступил разлученья; И с валу ударил перун вестовой, И нам он не вестник сраженья. Прости же, товарищ! Здесь нет ничего На память могилы кровавой; И мы оставляем тебя одного С твоею бессмертною славой [4, с. 92].</p>
--	--

Будучи положено на музыку, это стихотворение в переводе Козлова долго служило похоронным маршем. Четкость ритма, воистину маршевого, обеспечивается тем, что во всем длинном, из восьми строф, стихотворении нет ни одной облегченной стопы – редчайший случай. Этого нет в оригинале.

Эмоциональность стихотворения «На погребение...» рождается его сказовой формой, обусловившей весь строй поэтической речи этого произведения, преобладание эпитетов (их в два раза больше, чем глаголов), оценочный характер определений, использование инверсии. Возрастанию эмоциональности способствуют анафористические «и», вводящие самостоятельные синтаксические группы, восклицания, риторические вопросы, обращения к герою. Одним из основных приемов, создающих лирическую напряженность, является контрастность, которой проникнут строй образов и сравнений стихотворения.

Все стихотворение построено на контрасте существующего и должного, начиная с первого стиха: «Не бил барабан перед смутным полком...». По содержанию барабанный бой отрицается, фонетически он осуществляется за счет звучания звонких согласных «б», «р», неоднократно повторенных. Звук барабана не было, но он должен был быть, и он прозвучал в стихе. Все, что происходит с телом героя, не соответствует его заслугам: ему не оказано должных почестей. Какими они должны быть, описано с помощью отрицательных частицы или приставки: «не бил барабан», «не с ружейным огнем», «не усопших покров», «не в дощатой неволе», «недолго», «не уважит», «невозвратные», «о нет», «не коснется», «еще не свершен», «не вестник», «нет ничего». Этот прием, усиленно подчеркивающий отсутствие должного, усиливается контрастными определениями: «чужая» – «родимая», «недолго» – «но жарко».

В способе характеристики героя и описания похорон соединяются патетическое и разговорное начала. Первое сообщение о герое: вождь («вождя хоронили»), затем: труп («труп... опустили»). От наименования в высоком стиле – к бытовому определению, затем – снова к возвышенному: уснувший ратник («уснул он, как ратники в поле»). После этого следует авторская речь, в которой погибший с позиции постороннего назван мертвецом («И молча смотрели в лицо мертвецу»), а вслед за этим в речи рассказчика он назван товарищем, храбрым, «с бессмертною славой». Волнообразное движение снижения и возвышения в наименованиях героя закончилось резким подъемом – признанием за ним бессмертной славы.

Такой же прием наблюдается в употреблении лексики при описании похорон: от нейтрального «хоронили» через бытовое «могилу копали», «труп опустили» к возвышенному: «уснул», «в таинственном сне». А в конце стихотворения – как аккорд, вобравший все основные звуки: «На память могилы кровавой» (натуралистический образ) рифмуется с «бессмертною славой» (самый возвышенный образ в стихотворении).

Волнообразному движению в употреблении этих экспрессивных и предметно-экспрессивных образов соответствует ритмическое волнообразное движение внутри строфы, она строится как чередование стихов с четырехстопным и с трехстопным амфибрахийем. При этом первый и третий стихи – длинные, связаны в основном с характеристикой действия, а второй и четвертый – с названием этого действия. Характеристика факта занимает больше места, чем сообщение о нем, поэтому в длинных строках сосредоточены в основном существительные с определениями, а в коротких – существительные с глаголами. В совокупности это создает одновременно энергичный и эмоциональный характер стихотворения. Сочетание этих двух разных ощущений усиливается тем, что первый и третий стихи, связанные в основном с описанием, имеют мужскую, энергичную рифму, а второй и четвертый – женскую.

Эмоционально-экспрессивный стиль стихотворения находится в полном соответствии с его идейно-тематическим содержанием. В образе лирического героя здесь запечатлена сильная личность с трагической судьбой: он погиб и спешно, тайно похоронен, его тело может достаться врагу. Достоинства героя и трагические обстоятельства его погребения – тема стихотворения, воплощенная посредством эмоционально-экспрессивного стиля.

Это стихотворение неожиданно оказалось процитированным Мариной Цветаевой в цикле «Стихи к Пушкину» в 1931 году:

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царицы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили [6, с. 174].

Ее стихотворение тоже построено на контрастных образах и выражениях.

Самую большую известность Козлову принесло стихотворение «Вечерний звон» – перевод стихотворения английского поэта Томаса Мура.

The Evening Bells

Sir Thomas Moore (1779-1852)

Those evening bells! Those evening bells!
How many a tale their music tells,
Of youth, and home, and those sweet time,
When last I heard their soothing chime.
Those joyous hours are pass'd away;
And many a heart, that then was gay,
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells.
And so 'twill be when I am gone;
That tuneful peal will still ring on,
While other hards shall walk these dells,
And sing your praise, sweet evening bells [3, с. 288].

Вечерний звон

Томас Мур, перевод И. И. Козлова

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон [4, с. 59]!

Это стихотворение – о преходящности индивидуального существования, преемственности поколений и вечности искусства. Оно давно стало песней (на музыку Александра Алябьева), задушевность которой рождена глубокой философичностью произведения. Итогом контрастного сравнения прошлого и настоящего является не пессимистический вывод, а утверждение всеобщих связей и преемственности поколений, представленной как преемственность поэтов.

Ф. И. Буслаев вспоминал этот шедевр лирики Козлова как «отличный образец звукоподражательной поэзии»: «Читая его наизусть, я не просто выговаривал слова, а как бы звонил ими, воображая себя сидящим на колокольне...» [2, с. 51].

Звучание колокола передается ударным звуком «о», который десять раз (из восемнадцати возможных) звучит в конце стиха: половина всех рифм (пять пар из девяти) с ударным «о»: звон – он, родном – дом, сон – звон, сырой – иной, он – звон.

Четкий ритм стихотворения обеспечивается точным соблюдением ударений четырехстопного ямба. «Прекрасная элегия — «Вечерний звон» интересна в ритмическом отношении. Первая строфа совершенно не имеет стоп с мнимым ударением, это редкий пример правильного ямба», – писал И. Н. Розанов в книге «Поэты двадцатых годов XIX века» [5, с. 64].

Отклонения от этой нормы во второй и третьей строфах обнаруживают изумительный слух поэта: облегченные стопы располагаются так упорядоченно (во втором и четвертом стихах второй строфы и во втором и третьем стихах третьей строфы), что их чередование с соответствующими ударениями можно сравнить с перекрестным (во второй строфе) и кольцевым (в третьей) способами рифмования. Создается ритмичность и употреблением парной рифмы с мужским окончанием.

Глубокий философский смысл стихотворения обусловил сложность его синтаксической структуры: обилие распространенных предложений с сочинительной и подчинительной связью. Границы предложений здесь далеко не совпадают со строкой, но рифма соединяет предложения, создавая целостность стихотворения. Этой задаче служит эпаналепсис: слова «вечерний звон» дважды произносятся в первом стихе и по одному разу – в каждом последнем стихе следующих строф.

Эмоциональность стихотворений создается анафористическим «и», выражением контраста через отрицание: не я – а он, не зреть, нет... в живых, не слышен звон, восклицаниями, обилием восклицаний, предшествующих определяемому слову.

Эмоциональное движение в стихотворении наиболее ощутимо в характере глаголов и их чередовании. Если в первой строфе глаголы выражают психологическое состояние через утверждение: «любил», «слушал», «наводит» (думы), то во второй строфе – то же состояние передается посредством отрицания: «не зреть» (дней), «нет... в живых», «не... слышен... звон», а в третьей строфе глаголы обозначают действие, и притом утвердительное. Так рождается положительная эмоция, разрешающая глубоко задумчивый строй стихотворения.

Это стихотворение является переводом «The Evening Bells» Т. Мура. Близость к оригиналу складывается из следования теме, размеру, парному способу рифмования, строфике и композиции образов. Точно воспроизведен ход времени, выраженный в членении строф. Каждая строфа выражает определенное время: первая – прошедшее, вторая – настоящее, третья – будущее. Воссоздается естественный ход времени, и будущее воспринимается как продолжение прошлого. Этим утверждается земная, реальная связь времен, воплощенная в колокольной зоне, одном из древних видов народного искусства.

Но при всем сходстве стихотворений текст Козлова исполнен оригинальности, проявляющейся и в интерпретации темы колокольного звона, и в строе стихотворения, и, конечно, в звуковой инструментовке.

У Мура объект повествования – сам колокольный звон. Ему посвящены все эпитеты и синонимические выражения: «real», «chime», «ring». Эпитеты имеют сентиментальный характер: «soothing», «chime» (успокоительный, умиротворенный), «their music» (мелодия), «tuneful peal» (мелодичный звон), «sweet» (сладкий). Неоднократно употребляются два определения при слове «колокола» – «bells»: «those» и «evening» (эти, вечерние, которые относятся и к другим словам в том же духе: «sweet time» (сладкое время), например).

У Козлова нет ни одного эпитета, относящегося к колокольному звону, кроме «вечерний», который с точки зрения выразительности нейтрален. У него только один случай перифразы: «напев унывный». Повествование строится на описании не самого звона, а ассоциаций, пробуждаемых им, не на воспевании звона, а на противопоставлении и контрасте ощущений: быстротечности времени и вечности жизни.

Основное слово «bells» (колокола) переведено как «звон». Фонетически это в высшей степени оправдано: это односложное слово, как и «bells», по звучанию близкое английскому. Ударное же «о» звучит выразительнее и энергичнее, чем «э» в слове «bells».

В сочетании со словами «вечерний» оно рождает перезвон (чередованием гласных звуков: и – е – и – о), заканчивающийся ударом «о».

Различие между стихотворениями начинается с первого стиха, поскольку Козлов для «звона» оставляет единственное постоянное определение: «вечерний». Второй стих «How many a tale their music tells» (Как много рассказов их мелодия рассказывает) он перевел в более высоком стиле: «Как много дум наводит он». Это и психологически более тонко, и лексически разнообразнее (английские слова «tale», «tells» однокоренные). Следующие два английских стиха Козлов перевел четырьмя стихами. Удлинение произошло за счет усиления мотивов, у Мура еле намеченных. Это, во-первых, мотив родного края: у Мура – «of youth» и «and home» – «о юности», «о доме». У Козлова – «о юных днях в краю родном, где я любил, где отчий дом». Интересно и то, каким образом произошло это расширение образа: между двумя словами «юность» и «дом». У Мура это единственные слова на эту тему. У Козлова – это начальное и конечное слова, между которыми он располагает образ, который вносит от себя. Во-вторых, это мотив разлуки. У Мура он обозначен одним словом «last» (последний раз). У Козлова – два выражения: «навек простясь», «в последний раз», причем перевод английского «last» замыкает строфу. Слова английского стихотворения остаются опорными, будучи помещенными в начале и в конце периодов, расширение и обогащение образа произошло между ними. Обогащение мотивов способствует усилению контрастности, сопоставления и сообщает стихотворению большую эмоциональность.

Вторая строфа у Мура построена на контрасте между прошлым и настоящим, но контраст выражен однозначно: веселье – могила («joyous» – веселый, «gaud» – веселый, яркий, «tomb darkly» – темная могила). У Козлова то же самое противопоставление богаче, насыщеннее. Мотив бренности земных радостей заменен у него более глубоким, философским мотивом быстротечности жизни и несбыточности надежд.

В третьей строфе у Мура о личных эмоциях лирического героя сообщается в придаточных предложениях. У Козлова переживания героя – на первом плане: «Лежать и мне в земле сырой». Иное отношение поступает здесь и к звону. У Мура будущий бард будет петь хвалу «сладким колоколам». У Козлова певец будет «в раздумье петь вечерний звон», то есть он, как и поэт, будет размышлять о человеческих судьбах и ходе времени, а колокольный звон – лишь повод для этих размышлений и символ постоянного и вечного.

Изменением, обогащением смысловых оттенков стихотворения объясняется удлинение его (строфы Козлова на два стиха длиннее строф Мура): это не просто зарисовка, а философское размышление.

Богаче в тексте Козлова и звуковая инструментовка: у него пять пар с ударным «о», а у Мура «bells» рифмуется лишь трижды.

Жуковский считал, что «переводчик в стихах – соперник» автора оригинала. Из творческого соревнования с Т. Муром русский поэт вышел победителем.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Т. Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. М. – Л.: АН СССР, 1963.
2. **Буслаев Ф. И.** Мои воспоминания. М., 1897. 77 с.
3. **Избранное** / текст парал. на англ. и рус. яз.; сост., предисл., коммент. Л. И. Володарской. М.: Радуга, 1986. 541 с.
4. **Козлов И. И.** Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание / Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Д. Гликмана. Л.: Советский писатель, 1960.
5. **Розанов И. Н.** Поэты двадцатых годов XIX века. М.: Госиздат, 1925. С. 64-65.
6. **Цветаева М. И.** В полемике с веком. Новосибирск: Наука, 1999. 268 с.
7. **Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster.** Charles Wolfe (poet). М.: Книга по Требованию, 2010. 72 с.
8. **Sertum bibliologicum.** СПб.: Госиздат, 1922. 249 с.

SECRET OF ONE ROMANCE SUCCESS

Alieva El'vira Nizamievna, Doctor in Philology
Moscow City Psychological and Pedagogical University
lingvamiel@mail.ru

Vedenyapina Emma Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Moscow
emmamoscow@yandex.ru

The article tells about the literary perfection of translations of rarely recollected poet and translator Ivan Kozlov by the example of famous poems –“The Burial of Sir John Moore” and –“The Evening Bell”. The texts of Kozlov are original, which is manifested both in the interpretation of themes, and in the structure of poems, sound instrumentation, and the accuracy of rhythm.

Key words and phrases: evening bell; rhyme; epithet; strophe; rhythm; original.

УДК 378.14

Педагогические науки

В статье уточняется сущность понятия «иноязычная коммуникативная компетентность», рассматриваются и качественно характеризуются входящие в ее содержание языковая, речевая и социокультурная компетенции, раскрывается диагностический инструментарий для измерения и оценки показателей их развития, приводятся результаты экспериментального исследования, свидетельствующие о том, что традиционные подходы к обучению студентов медицинского вуза дисциплине «Иностранный язык» не обеспечивают существенного прироста показателей языковой и социокультурной компетенций, приводят к достоверному улучшению показателей речевой компетенции и к незначительному повышению уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности в целом.

Ключевые слова и фразы: иноязычная коммуникативная компетентность; языковая, речевая и социокультурная компетенции; диагностический инструментарий; студенты медицинского факультета; обучение иностранному языку.

Антонова Надежда Александровна

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
rektorat@chgpu.edu.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ[©]**

Введение. В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу и вступила в единое европейское образовательное пространство. В качестве основного условия совершенствования подготовки специалистов явилась реализация компетентностного подхода к определению цели, содержания и результата профессионального образования.

В условиях расширения международных контактов одним из значимых факторов профессионального и личностного саморазвития выпускников вузов становится практическое владение иностранным языком, высокий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетентности. Сложившаяся ситуация требует поиска и научного обоснования новых, более эффективных подходов к преподаванию иностранного языка студентам вузов всех направлений, профилей и уровней подготовки. Это предполагает знание того, как решается педагогическая задача обучения студентов знаниям, умениям и навыкам применения иностранного языка в условиях профессиональной деятельности.

В связи с вышесказанным целью нашего исследования заключалась в выявлении динамики показателей иноязычной коммуникативной компетентности у студентов медицинских вузов в процессе изучения иностранного языка.

Для достижения этой цели нами последовательно решались три частные задачи:

1. уточнить сущность и содержание иноязычной коммуникативной компетентности;
2. разработать диагностический инструментарий для измерения ее показателей;
3. осуществить сравнительный анализ показателей иноязычной компетентности у студентов медицинского факультета до и после изучения дисциплины «Иностранный язык».

В соответствии с первой задачей нами были изучены представленные в научно-методической литературе подходы к определению сущности и содержания иноязычной коммуникативной компетентности [1-7]. Анализ и обобщение этих подходов позволили нам уточнить понятие иноязычной коммуникативной компетентности. Мы рассматриваем ее как способность и готовность к общению на иностранном языке с представителями иноязычной культуры.